

УДК 321.65

DOI: 10.17223/1998863X/44/24

С.Н. Чирун

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена анализу регионального политического режима на примере Кемеровской области. Автор в своем анализе проблем регионального политического режима опирается на неинституциональную методологию. Поэтому в данной статье рассматриваются преимущественно неформальные аспекты функционирования регионального политического режима, сопряженные с отношениями между сетевыми узлами региональной власти, формирующими различные формы сетевых интеракций. Ключевые слова: региональный политический режим, неинституционализм, клиента, рента, консенсусная коррупция.

Исследования региональных политических режимов предполагают опору на верифицируемые методики анализа социально-экономических и политических процессов в регионе, которые позволяют выявлять неповторимую архитектуру регионального политического режима. Вместе с тем сложно рассчитывать на успех, опираясь лишь на статистические и эмпирические материалы. Для успеха необходимо держать в поле зрения политические процессы, частично выходящие за пределы отдельного региона, учитывать национальные политические тренды и перспективы, которые неизбежно влияют на восприятие и оценку локальных региональных процессов.

Региональный политический режим определяется Р.Ф. Туровским как существующая на определенной территории взаимосвязанная совокупность политических акторов (с их методами властвования, ресурсами, целями и стратегиями) и институтов (понимаемых и как организации, и как нормы и правила игры) [1. С. 77–95].

Исследование политического развития регионов России – задача сложная как в практическом, так и в теоретическом плане. Одна из главных трудностей здесь – это выбор адекватной методологии. Социально-экономические процессы в сырьевых регионах России испытывают мощное влияние со стороны глобальных политико-экономических процессов, что является одним из важных аспектов регионального политического анализа. В нашем исследовании регионального политического режима мы считаем наиболее уместным руководствоваться прежде всего неинституциональным подходом.

Неинституционализм ставит в центр внимания практики и инварианты действия, где основу политического порядка образуют не институты в традиционном понимании как правовые образования, а шаблонные, многократно повторяемые акты и практики действия [2. С. 39–55].

Неформальные региональные институты формируют стимулы, не совместимые с формальными правилами, поэтому, следуя одному, нельзя не нарушать другое. К их числу относятся клиентелизм, патримониальное гос-

подство, клановая политика [3. Р. 725–740]. Так, внешняя мощь бюрократического аппарата в России удивительным образом сочетается с его неопатримониальным характером, в нем неформальные практики составляют институциональную основу политического порядка, а формальные являются лишь его символической атрибуцией. Такая система имеет следствием слабость гражданского общества, отсутствие социальных лифтов, а номинальная конкуренция проектов, институций и индивидов реализуется внутри клиентелы и госаппарата [4. С. 78].

Применительно к российским регионам иногда (например, Кемеровская область) можно вести речь о султанистском режиме, если региональный лидер устанавливает персоналистский контроль над политикой и бизнесом, используя набор как современных, так и премодернистских стимулов и вознаграждений. Предельная концентрация личной власти выражается в фасадном характере региональных выборов и почти в пожизненном характере власти.

Реализация в регионе неопатримониального господства предполагает иерархизацию руководства клиентарно-патронажной сети, когда все иные сетевые региональные узлы ликвидируются либо включаются в клиентарно-патронажную сеть уже на правах клиентов. Клиентела характеризуется комбинацией добровольности и обязательств, патрона и клиентов, находящихся в полулегальных отношениях [5. С. 98–99]. В то же время термин «клиентелизм» обозначает еще и процесс перевода патрон-клиентских отношений в институциональное пространство, что раскрывает особые грани коррупции региональных политических режимов.

Клиентарные связи, не будучи легитимными, часто на практике являются основным механизмом функционирования системы регионального управления. Фрагментированный, но устойчивый характер практик взаимодействия политико-управленческого класса и населения региона исследователи рассматривают как следствие трех типов искажения демократии: неполитического, популистского и плебисцитарного [6].

Актеры политических сетей (персональные, коллективные / организационные) характеризуются способностями, потребностями, свойствами, интересами и ресурсами, которые образуют основу сетевого взаимодействия [7. С. 71]. Так, согласно Д. Ноуку и Дж. Куклинскому [8. Р. 9], сетевые акторы можно подразделить на «сетевые центры» и находящиеся вокруг таких центров «клики», «кланы», «клиентелы», внутри которых происходит интенсивный внутренний ресурсный обмен, в результате чего неформальные роли не всегда соответствуют формальному статусу сетевых игроков.

А.А. Фисуном представлены модели неопатримониализма: модель хищника (султанистский неопатримониализм), модель поиска ренты (олигархический неопатримониализм) и модель взаимных заложников (бюрократический неопатримониализм) [9. С. 19]. Неопатримониализм в политической науке часто выступает синонимом таких понятий, как клиентелизм, режим пребанды, трайбализм, кронизм, патронаж, коррупция и клептократия [10. Р. 26–51]. В исследованиях неопатримониальных региональных режимов также уместно использовать понятия непотизма, блата и фаворитизма [11. С. 47–48].

Неопатримониализм всегда обусловлен гибридностью политического режима [12. Р. 7]. Политические институты для неопатримониальных режимов выполняют роль ширмы, маскирующей реальные процессы в сфере по-

литики и экономики [13. Р. 139–156], реализуемые в форме личной власти [14. Р. 32–48] и на основе рентоориентированного поведения политических акторов [15. С. 33–46]. Рентоориентированные практики являются следствием «зависших» транзитов, которые усиливают гибридные формы организации власти [16. С. 132].

Такое положение не только обеспечивает региональный режим необходимыми ресурсами, но и позволяет откладывать на неопределенное время необходимые институциональные преобразования, тем самым помогая укрепиться положению узких групп распорядительных коалиций. Такая практика способствует и уменьшению внимания к проблеме повышения эффективности государственного управления, и поддержанию устаревших норм и практик. Региональные элиты российского общества обязаны своим высокостатусным положением монополии на властные ресурсы и конвертации их в ренту. В этом случае причины неравенства и механизмы его воспроизводства связаны с рентно-служилыми отношениями и административным характером российского рынка [17. С. 104–113].

Несовместимость демократии и неопатримониализма для исследователей очевидна [18. С. 170]. Ведь именно персональный авторитаризм является последствием неопатримониализма [19. С. 8]. В патримониальных системах управленческие функции делегируются региональным акторам, становясь собственностью субъектов управления и основным источником их доходов. Практика кормления до сих пор остается неформальным институтом управленческой культуры для многих регионов России [20. С. 117].

Патрон-клиентские отношения характеризуются достаточно противоречивой природой. В этом феномене уживаются одновременно личная зависимость и взаимная солидарность, персональные обязательства, принуждения и эксплуатация, неофициальность (закрытость) отношений и асимметрия ресурсов. Так, в исследованиях С.Г. Кордонского публичная политика представлена как результат распределения ресурсов между сословиями и реализации скрытых взаимодействий политических акторов в процессе принятия государственных решений [21].

Л.В. Сморгунув рассматривает клиенталистскую сеть как симбиоз административных и общественных структур в локальном политико-управленческом сегменте, которые «взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы» [22. С. 50–58]. Непременный элемент таких отношений – наличие компромата на клиентов, что является дополнительным механизмом функционирования клиентарно-патронажных связей. Патрон нуждается в компромате на клиента. Факт наличия перманентной угрозы для клиента провоцирует его к выражению преданности патрону и тем самым усиливает клиентарную зависимость. Здесь скрытой формой «закрепощения» является шантаж, предписывающий клиенту действовать в интересах патрона.

Взаимодействия патрона и его клиента определяются в первую очередь не объективным служебным долгом, но преданностью. Клиентарно-патронажные сети образуются вокруг главы региона. В качестве клиентов могут рассматриваться руководители государственных учреждений и предприятия, живущие за счет государственного заказа. Эти клиенты могут в чис-

ле прочего предлагать политическую поддержку региональной власти, что может выражаться в контроле электорального поведения сотрудников и в организации различных публичных акций или сборе средств в поддержку «инициатив» действующего губернатора¹.

Схожие механизмы могут иметь место в отношениях муниципальных образований и региональных администраций. Широко отмечаемая для местного самоуправления в России проблема диспропорции объема собственного финансирования и объема полномочий муниципальных образований закладывает для клиентелизации этих отношений глубинные основания. В качестве условия получения бюджетной субсидии на актуальные местные нужды региональные власти требуют от органов местного самоуправления выполнения определенных условий².

Стабильность клиентелистских отношений основывается на личной преданности, а господство при патримониальном режиме всегда персонифицировано. Поэтому смена лидера здесь может стать серьезной проблемой [23. С. 19]. Наличие сетевой клиентелы провоцирует непропорциональное распределение общественных благ, отражающее участие в принятии решений приближенного круга, в интересах которого осуществляется перераспределение ресурсов. На уровне «режима регулирования» (где происходит преобразование институциональных форм власти в распределение дефицитных ресурсов) преобладающее влияние на государственные решения оказывают доминирующие сети [24. Р. 3–18]. Этот уровень представляет собой зону формирования латентных связей наиболее влиятельных элитарных коалиций, контролирующих силовые, информационные и другие важные ресурсы [25. С. 127–146].

Демонстрируя закрытость и неподконтрольность институтам гражданского общества, эта гибридная система принятия решений обладает высоким уровнем персонификации правления, ориентацией на интересы клептократии [26].

Обладая значительным информационным ресурсом, неопатримониальные структуры способны влиять на параметры публичной сферы в целях снятия социально-политической напряженности, разрешения этнонациональных конфликтов. Вместе с тем подконтрольные СМИ являются инструментом имитационной политики, результатом которой становится квазипубличное пространство, формируется «деформированная» или «манипулятивная» публичная сфера [27], которая разрушает предпосылки политического дискурса и гражданского участия.

¹ Например, в Кузбассе последние 20 лет практически любая общественно-полезная деятельность как региональных, так и муниципальных органов власти представлялась PR-технологиями как реализация инициатив губернатора области А.М. Тулеева. Причем последние могли касаться как вопросов, находящихся исключительно в компетенции муниципальных органов власти и местного самоуправления, так и задач, в действительности реализуемых на уровне федеральных проектов. В международном аэропорту г. Кемерово, который носит имя А.А. Леонова, есть надпись, сообщающая об инициативе А.М. Тулеева. Если прочесть эту надпись мимоходом, особо не вчитываясь в знаки препинания, то можно вообразить, что даже выход дважды Героя Советского Союза А.А. Леонова в открытый космос был осуществлен по инициативе А.М. Тулеева.

² Например, А.М. Тулеев долгие годы является почетным гражданином 13 муниципальных образований Кузбасса, а также почетным гражданином Кемеровской области и «народным губернатором» Кузбасса. Ежегодные доходы А.М. Тулеева только от этих званий составляют более 1,5 млн руб.

Неопатримониальные режимы, с одной стороны, формализуют свою легитимность на выборах, с другой стороны, проигрыш абсолютно недопустим, поскольку подразумевает потерю рентных позиций и распад клиентелы.

Выходом для неопатримониальных режимов является институт преемника, где передача власти должна быть процедурно легитимирована, но риск должен быть сведен к минимуму, и власть в итоге должна достаться клиенту, который сможет обеспечить гарантии дистрибуции ресурсов, соответствующие интересам клики. Продолжение же политического курса – это вопрос второстепенный. Однако А.М. Тулеев затянул передачу власти несостоявшемуся преемнику, в качестве которого в разное время рассматривались бывшие заместители губернатора Кузбасса М.А. Макин, Д.В. Исламов, И.В. Середюк, С.Н. Кузнецов. Неудача, во многом вызванная непоследовательными действиями губернатора, вызвала серьезное недовольство в команде Тулеева, саботаж и попытку перехода части клиентелы к новому региональному лидеру.

С клиентарно-патронажными отношениями связан феномен nepoтизма, представляющий собой реализацию административных ресурсов для систематического предоставления уникальных возможностей и привилегий близким родственникам, а также лицам, связанным отношениями близкой дружбы и иными социальными связями, предшествующими служебным отношениям¹. В российских условиях речь идет о широко распространенной практике трудоустройства родственников высокопоставленных чиновников на высокие должности в государственные корпорации, банки с государственным участием и иные бизнес-структуры. Одним из неопатримониальных проявлений является «телефонное право» [28. Р. 324–350]. Исследования свидетельствуют о значительном применении «телефонного права» [29. С. 13]. «Телефонное право» представляет собой неформальный институт влияния на судебные власти [30. С. 42]. Так, А.М. Тулеев неоднократно обвинялся лидерами парламентской оппозиции (Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский) в создании на территории региона системы, грубо нарушающей избирательные права граждан. Однако региональные судебные органы в этих случаях принимали решения исключительно в пользу А.М. Тулеева.

В российских регионах клиентелизм и nepoтизм являются определяющими по отношению к рационально-легальным институтам организации власти. Между тем даже изначально эффективные институты под руководством личностей с деформированной шкалой морально-этических ценностей функционируют искаженно, обслуживая преимущественно групповые и личные интересы клиентелы [31. С. 10].

Нарастание значения клиентелы и структур неформальных коммуникаций в региональной политике происходит по мере усиления дисфункций государственных институтов и органов управления и свидетельствует о неэффективности официальных норм и неспособности государственной власти сохранять объективность, следовать духу и букве закона [32. С. 140–141].

¹ Например, супруга М.А. Макина в бытность последнего первым вице-губернатором Кузбасса являлась номинальной совладелицей целого ряда бизнес-структур, получающих деньги из областного бюджета: ООО «Сибэнергоконсалтинг»; ООО «Управляющая Сибирская теплоэнергетическая компания»; ООО «Энергетическая инвестиционная компания» и ООО «Теплоэнергосервис»; ООО «Железобетон» и др.

В процессе государственного управления происходит институциональное соединение интересов граждан с официальными органами государственной власти. Как особая площадка коммуникации, государственное управление вводит в процесс выработки политических решений официальные нормы и ограничения, встраивающие общественно-политическую активность населения (гражданских структур) в рамки взаимоотношений формально-институциональных структур [33. С. 121–140].

Неопатримониальные режимы предполагают формирование политико-административных сетей, включающих в себя наряду с чиновниками представителей влиятельных группировок (группы интересов, внутриэлитарные ассоциации и альянсы правящего класса), а также влиятельных персоналий, заинтересованных в решении конкретных вопросов и заполняющих своей активностью институциональные пустоты, которые демонстрируют наибольшую эффективность по сравнению с формальными институтами. Вместо формальных правил элитарные коалиции узаконивают правила обмена и устойчивость коалиционных интересов, обусловленных патрон-клиентскими и коррупционными отношениями. Происходит подмена смыслов иллюзиями и ритуалами, а также формирование корпоративно ориентированной бюрократии, замкнутой на саму себя, озабоченной поддержанием собственного процветания «за счет практически бесконтрольного использования региональных ресурсов» [34. С. 27]. О.Ф. Шабров пишет о корпоративистском государстве в России [35. С. 47–55].

Роль публичных сетей гражданского общества незначительна и существенно уступает влиянию неформальных элитарных сетей. Эти сети успешно конкурируют с формальными институтами, дополняя, а чаще замещая институциональную и межинституциональную коммуникацию. Симулякр российского гражданского общества, представленный значительным количеством общественных НКО и бизнес-сетей, используется региональной властью в качестве публичной декорации (прикрытия) корпоративных интересов клептократических клик. Данные сетевые структуры «переплетаются» с государственными институциями, обуславливая феномен скрытого протекционизма власти, который обеспечивает эффекты НКО и бизнес-сетям (победу в региональных тендерах, выигранные гранты, принятие судебных решений и т.д.). Сама российская политическая система по совокупности характеристик является неокорпоративистской [36. С. 90–97].

Особыми возможностями обладают финансово-экономические группировки, имеющие наибольший потенциал влияния на процесс принятия государственных решений, но которые не склонны афишировать свое влияние [37. Р. 44]. На долю Кузбасса приходится около 56% добычи каменного угля России, около 80% добычи всех коксующих углей России. При этом Кузбасс занимает 75-е место в стране по уровню жизни населения и 46-е место – по уровню экономического развития. Среди наиболее крупных игроков, имеющих свои интересы в экономике и политике Кузбасса, можно назвать Сибирский деловой союз (СДС), СУЭК, Евраз, Мечел, Кузбассразрезуголь, – все они вынужденно встроены в региональную систему отношений власти и бизнеса.

Важно отметить, что Кузбасский региональный режим при А.М. Тулееве показал свою способность выстраивать модель «ручного управления», при котором роль формальных институтов значительно снизилась.

Существуют регулируемые формы патримониализма и хищнические. Основанием для разделения служат способ и интенсивность регулирования патримониальных практик [38. С. 275–294]. Исследователи называют отличительные хищнические черты [39. Р. 11]: концентрация личной власти; контроль над экономическими ресурсами при неспособности достигать заметных целей экономического развития; правление, основанное на дуализме страха и вознаграждения; изгнание из региона политических оппонентов и экономических конкурентов; деградация публичных институтов политики и права; разрушение экономики; стирание грани между личным и государственным. По мнению Л. Даймонда, хищничество характеризует не только политическую элиту, но и региональный политический режим. Хищнические режимы навязывают хищническое поведение, пронизывающее всю региональную политику [40. С. 23].

Разница в функционировании институтов в двух формах неопатримониализма может также объясняться разными подходами к конструированию политического порядка [41]. Регулируемый неопатримониализм ориентирован на региональное развитие [42]. В модели хищнического неопатримониализма бизнес существует в условиях систематических поборов со стороны представителей регионального политического режима и перманентной угрозы экспроприации. В таких условиях инвестиционная деятельность теряет какой-либо смысл. Для хищнического неопатримониализма права гарантированы только для собственности правителя и узкого круга семьи или клана.

Так, в авторитарных и гибридных региональных режимах в качестве средств защиты теневых методов и негласных договоренностей используются различные технологии: распространение популизма¹, манипуляции цифрами и фактами, имитация публичного дискурса и др.

Неопатримониальная сеть создает такие формы организации, при которых позиции ее представителей являются эксклюзивными [43. С. 40].

Также сеть задает общий вектор отношений между акторами, например уровень интенсивности и направленность связей между центром и кликами. Эти «центры» играют решающую роль и в процессе конвертации политических статусов в экономические (и обратно). Причем такие формы конвертации осуществляются за счет дистрибутивной практики (например, распределения зон и сфер влияния того или иного чиновника в зависимости от его неформальной роли в соответствующем секторе экономики).

Особенностью неопатримониальных региональных политических режимов являются присущие им теневые и криминальные практики. Первые обычно реализуются в правовом пространстве, но нарушая морально-этические нормы, укрепляя приоритет неформальных принципов и норм в политическом процессе. Вторые же имеют выраженную криминальную при-

¹ Имя А.М. Тулеева на общественном транспорте, лавочках (парковых диванах), а также зданиях имеющих религиозно-культовое назначение – все это стало своеобразной визитной карточкой Кемеровской области в период пребывания Тулеева на посту губернатора Кузбасса.

роду, к ним относятся рейдерство¹, незаконное получение депутатских мандатов или должностей в аппарате управления², «распил» бюджетных средств, выведение государственных средств в офшоры, «крышевание» нелегальных секторов экономики.

Так, к негативным результатам деятельности неопатримониальных региональных политических режимов можно отнести развитие рентоориентированных практик в региональном управлении, что ведет к перепрофилированию деятельности правоохранительной и судебной отраслей государственного управления, занимающихся в такой системе поддержанием интересов корпоративных структур. Складывается иллюзорное представление, что в такой системе для реализации регионального развития публичные институты не нужны, поскольку перераспределение ренты идет преимущественно по теневым каналам «взаимодействия патрона и его клиентов» [44. С. 165]. Для обеспечения такого взаимодействия искусственно создается дефицит легальных возможностей, что является самым доходным способом теневого управления [45 С. 220]. С помощью неформальной коммуникации закрытого типа достигается снижение «издержек легальности», сокращая время согласования позиций и интересов в процессе обмена ресурсами [46].

Однако это явление выводит из региональной экономики значительные финансовые ресурсы, где неформальный институт рассеивания ренты ограничивает возможности государства в реализации своих прямых задач. Кроме того, «теневизация» региональных политико-управленческих структур деформирует функционал публичных институтов, расширяя тактику применения двойных стандартов, нивелируя понятия Закона и ответственности [47. С. 7]. С.Г. Кордонский пишет о сословно-рентной природе российского предпринимательства. Мотивом политического поведения рентных групп, в отличие от предпринимателей при свободной конкуренции, выступает преобразование своего властно-административного ресурса в источник ренты. При этом государство стремится контролировать существующие ресурсные потоки, обуславливая наделение той либо иной группы подвластного населения долей ренты не только ее объемом прибыли, а в первую очередь – личной и политической лояльностью, готовностью «играть по заданным правилам». В этом случае коррупция государственной бюрократии признается «статусной политической рентой» [48. С. 185–530], обновленным вариантом средневековой системы кормлений. Это, в свою очередь, ведет к деформации политической культуры, закрепляя не ценности гражданско-ассоциативных коммуникаций власти и общества, а принципы клиентарно-патронажной модели коммуникации. Такая система политических взаимодействий поддержи-

¹ Например, в результате громкого коррупционного скандала в ноябре 2016 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 163 УК РФ в отношении высокопоставленных чиновников Кемеровской области, в числе которых и два заместителя губернатора Кузбасса А.В. Данильченко и А.В. Иванов. Они подозреваются в попытке рейдерского захвата 51% акций угледобывающей компании «Разрез Инской» и находятся в настоящее время под домашним арестом.

² Например, А.М. Тулеев 3 апреля 2018 г. стал депутатом Совета народных депутатов Кемеровской области, хотя еще в декабре 2014 г. Конституционный Суд РФ признал неконституционной повторную передачу мандата лицу, ранее от него отказавшемуся. Кроме того, Тулеев, возглавивший Совет народных депутатов, при вступлении в должность не принял присягу, вопреки требованиям п. 2 ст. 41 Устава Кемеровской области.

вается технологиями манипуляции общественным мнением. В результате усиливается отчуждение граждан от власти [49. С. 161–198].

В России региональные политические режимы, не оправдав демократических надежд, превратились в гибридные, сочетающие внешние демократические процедуры с неопатримониальными механизмами управления и электоральным авторитаризмом, использующим государственные институты в качестве инструмента легитимации и удержания власти авторитарным региональным лидером [50. Р. 161–198].

В данном случае клиентарно-патронажные группировки, трактуя свои корпоративные интересы как интересы региона, легитимируют имитационные практики институциональных преобразований, превращая их в ширму для реализации групповых интересов клики. Клики представляют собой «сообщества, интегрирующие «своих» людей на основе взаимного доверия и готовности ради «общего дела» пренебречь моральными и правовыми нормами в отношении других граждан» [51. С. 74]. Клики сильнее, чем декларируемые в законодательстве и идеологиях официальные институты. Это ведет к воспроизводству «институциональных ловушек» – ситуаций, закрепляющих равновесные, устойчивые, но нерациональные нормы поведения [52. С. 286].

Клика – более широкое понятие, чем клиентела. В политической науке еще в 50-х гг. XX в. было выделено несколько типов клик [53. Р. 333–335]: вертикальные, организованные на основе клиентелы; вертикальные, опирающиеся на родственно-непотизские связи, или парантеллу; горизонтальные охранительно-агрессивные, возникающие в условиях социально-экономических преобразований для использования преобразований в своих интересах. Кликократия является серьезной институциональной ловушкой в развитии российских регионов. Кликократические структуры контролируют ключевые узлы принятия решений, купируя возможности ведения конкурентной борьбы за доступ к государственным ресурсам и должностям в различных отраслях. В итоге она ведется за получение доступа к узлам принятия решений, без которых дальнейшее участие в распределении ресурсов невозможно.

О.В. Крыштановская пришла к выводу, что российские клановые группы структурированы по принципу «слоеного пирога». Клан возглавляет политический лидер, далее сверху вниз следуют группа политической поддержки, финансово-промышленная группа, лояльные СМИ, отделы безопасности [47. С. 81–85].

На наш взгляд, в структуре кликократического клана может присутствовать четыре элемента: 1) группа политической поддержки, связывающая клан с Политбюро 2.0; 2) группа финансово-экономической поддержки; 3) группа PR-медиативной поддержки; 4) группа силовой поддержки, представленная административно-силовыми структурами, частными охранными организациями, а в некоторых случаях и криминальными группами.

В результате происходит «приватизация» высшими государственными чиновниками экономической инфраструктуры, патронируемой региональной властью [45. С. 210]. Это выводит крупные финансово-промышленные группы из формата рыночной конкуренции. Но, по мнению Д. Аджемоглу и Д. Робинсона, такая система – это не дефект, который легко устранить, а за-

вершенный проект, поскольку такие институциональные «правила игры» позволяют доминирующей региональной группировке извлекать максимум ренты [55]. Бюрократические клики склоняются к монопольному типу политического рынка и персонализации власти. Клики перераспределяют ресурсы власти, что ведет к подмене целей государственного управления. Бюрократические группировки («команды», клики, кланы) используют государственные должности и полномочия для достижения собственной выгоды: обогащения, властной монополии, обладания инсайдерской информацией, престижа.

Методы реализации интересов бюрократии включают в себя административное предпринимательство (извлечение коммерческой выгоды из обладания государственной должностью), административную ренту (принятие корпоративно или лично выгодных государственных решений), рейдерство (захват бизнеса), организационную коррупцию, патрон-клиентарные взаимоотношения. Механизмами контроля бюрократии над крупным бизнесом стало участие чиновников высокого ранга в советах директоров, советах акционеров, занятие ими экспертно-консультационных и менеджерских должностей в прибыльных корпорациях, а также создание госкорпораций [56].

Отказ в доступе к ренте или сокращение ее объемов – основной источник расколов региональной элиты. Вследствие этого государство видит своей основной целью не совершенствование институционального дизайна, а поиск механизмов, гарантирующих ключевым группам доступ к максимально широкому объему ресурсов. В результате эффективным средством для поддержания корпоративной солидарности становятся коррупционные отношения (консенсусная коррупция), существование которых неопатримониальные режимы рассматривают как естественное и даже необходимое условие поддержания лояльности [57. С. 126–140], где симуляция борьбы с коррупцией является эффективным механизмом борьбы с конкурентными группами интересов.

В силу ограниченности ресурсов неопатримониальные режимы вынуждены перманентно формировать все новые рентные комбинации, позволяющие конвертировать политическую власть в доход. В качестве таких механизмов перераспределения выступают различные региональные и федеральные проекты (мегапроекты) и программы – спортивные, научно-технические, социальные, инфраструктурные, – поражающие неподвзятость исследователя итоговой стоимостью и неэффективностью [32. С. 19–20]. Ведущие российские кланы и клики последовательно готовят свою молодежь к роли преемников сбора ренты [58. С. 96].

Заключение

Политический порядок в большинстве регионов России характеризуется преобладанием политики над экономикой. Институциональные процессы здесь регулируются преимущественно неформальными конвенциями. В Кузбассе власть и собственность составляют нерасчленимый институт. Особенности регионального режима в этих условиях являются: феномен «власти – собственности»; перераспределительный тип экономики; сословная модель стратификации; ориентация на консервацию общественно-политических процессов, а не на инновационное развитие региона.

Отношения власти-собственности здесь строятся по теории административного рынка при доминирующей роли региональной бюрократии. В Кузбассе не было завершено формирование свободного конкурентного рынка, а группы интересов образуют систему неравенств по критерию возможностей рентного доступа, определяемого отношением первого лица (губернатора). Стратификация носит сословно-патерналистский, закрытый характер и является производной от степени обладания властными ресурсами.

Региональный политический режим предполагает архитектуру власти на основе отношения «власти-собственности» и бесконтрольное от гражданского общества формирование правящей элиты. Кузбасский бизнес долгие годы преимущественно избегал солидаризации, предпочитая кулуарные договоренности с губернатором Кузбасса и его клиентов.

Феномен неопотизма в региональном политическом режиме фиксирует синкретизм власти и собственности, формирующий новый вариант апроприации публичных полномочий и связанных с ними экономических возможностей. Границы и возможности региональных клик в принятии и реализации политических (государственных) решений прежде всего определяются их связями с неформальными и формальными институтами власти, персональным составом участников этих образований, соответствием ресурсов и целей этих ассоциаций существующим в государстве нормативным ограничениям. О результатах их деятельности можно судить по косвенным данным, прежде всего по итогам распределения материальных и нематериальных ресурсов в обществе, демонстрирующим подлинных бенефициариев регионального управления.

В Кемеровской области в силу низкого качества институтов, апатии населения, слабости гражданского общества и бесконтрольности правящей элиты теневые структуры (клики, клиенты, кланы) в текущий момент обладают решающим влиянием при утверждении целей региональной политики и принятии ключевых управленческих решений.

Соответственно, произошедшая после трагических событий, повлекших массовую гибель людей, смена регионального лидера вселяет серьезные надежды на трансформацию регионального политического режима. А заявленное С.Е. Цивилёвым наращивание совместных усилий со стороны государства и общества по преодолению изъянов региональной политики с целью сделать «Кузбасс регионом номер один за Уралом» способно снизить деструктивные последствия предшествующего периода правления и стать надежной превенцией политических рисков, провоцирующих структурные и институциональные кризисы власти.

Литература

1. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 77–95.
2. Панов П.В. Институционализм(ы) : объяснительные модели и причинность // Полис. 2015. № 3. С. 39–55.
3. Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: a research agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2, № 4. P. 725–740.
4. Соловьёв А.И. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лице власти // Полис. 2011. № 5. С. 70–98.
5. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М. : МОНФ, 2000. С. 98–99.

6. *Урбинати Н.* Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин ; науч. ред. перевода В. Софронов. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 448 с.
7. *Мирошниченко И.В.* Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направления развития // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 68–86.
8. *Knoke D., Kuklinski J.* Network Analysis. Beverly Hills, 1982. 119 p.
9. *Фисун А.А.* Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. 2007. Т. 39, № 6. С. 8–28.
10. *Ilyin M.* Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? // Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory. 2015. Vol. 18, № 1. P. 26–51.
11. *Eisenstadt S.N., Roniger L.* Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge, 1984. P. 47–48.
12. *Robinson N.* The Political Origins of Russia's «Culture Wars». Limerick : University of Limerick, Department of Politics and public administration, 2014. 49 p.
13. *Розов Н.С.* Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 139–156.
14. *Hanson S.* Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2011. 636.1. P. 32–48.
15. *Фишман Л.Г.* Рентное общество и последний «дух капитализма» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2. С. 33–46.
16. *Silke A., Kreisi H.* The Network Approach. Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. 2nd ed. Boulder : Westview Press, 2007. 149 p.
17. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России : теория и реальность. М., 2014. С. 104–113.
18. *Розов Н.С.* Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 157–72.
19. *Гельман В.Я.* Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. С. 8–17.
20. *Гельман В.Я.* Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб. : БХВ-Петербург, 2013. 256 с.
21. *Кордонский С.* Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
22. *Сморгунов Л.В.* Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 50–58.
23. *Панов П.В.* Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт премьера // Политэкс. 2010. № 3. С. 19–33.
24. *Morçol G.* Decision Making: An Overview of Theories, Contexts, and Methods. Handbook of Decision Making / ed. by Goktug Morçol. Harrisburg, Pennsylvania : CRC Press, 2007. P. 3–18.
25. *Соловьев А.И.* Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Политические исследования. 2015. № 3. С. 127–146.
26. *Inglehart R., Welzel Ch.* Modernization, Cultural Change and Democracy. New York, 2005.
27. *Сеннет Р.* Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М. : Логос, 2003. 424 с.
28. *Ledeneva A.* Telephone justice in Russia // Post-Soviet Affairs. 2008. Vol. 24, № 4. P. 324–350.
29. *Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А.* Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб. : Норма. 2010. 480 с.
30. *Леденева А., Шушанян Н.* Телефонное право в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. 2008. № 3 (95). С. 42–50.
31. *Оболонский А.В.* Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М. : Мысль, 2016. 448 с.
32. *Барсукова С.Ю.* Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 140–141.
33. *Соловьев А.И.* Государство как пространство принятия решений // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы. М. : Аспект-Пресс, 2015. Т. 4. С. 121–140.
34. *Бабинцев В.П.* Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. 2012. № 5. С. 24–29.
35. *Шабров О.Ф.* Корпоративистское государство в условиях картельной многопартийности // Политическое управление и публичная политика XXI века. М., 2008. С. 47–55.

36. Макаренко Б.И. Неокорпоративизм в современной России // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 90–97.
37. Toke D., Marsch D. Policy networks and GM groups issue: Assessing the utility of a dialectical model of policy networks // Public Administration. 2013. P. 44.
38. Bach D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings // Commonwealth & Comparative Politics. 2011. Vol. 49, № 3. P. 275–294.
39. Bavister-Gould A. Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States // Concept Brief. 2011. № 1. P. 9–14.
40. Diamond L. Civic Communities and Predatory Societies. Intercultural management Institute, 2001. 230 p.
41. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 230 с.
42. Kelsall T. et al. Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa // Africa Power and Politics. Working Paper. 2010. № 9. 33 p.
43. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.
44. Мельвил А.Ю. Зачем «царю горы» хорошие институты? // Политическая наука. 2013. № 3. С. 151–169.
45. Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. 312 с.
46. Managing Complex Networks : Strategies for the Public Sector / ed. by: W.J.M. Kickert, E.-Hans Klijn, J.F.M. Koppenjan. SAGE, 2015. 224 p.
47. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Гибридные институты и неформальные политические практики // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16, № 4. С. 6–27.
48. Шохин А.Н., Прохорова А.А. Политическое позиционирование бизнеса в период трансформационного кризиса конца XX в. в России // Бизнес и власть в России. Взаимодействие в условиях кризиса. М., 2016. С. 185–207.
49. Демократизация / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. М., 2015. С. 528–530.
50. Morse Y.L. The Era of Electoral Authoritarianism // World Politics. 2012. Vol. 64, № 1. P. 161–198.
51. Хлопин А.Д. Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. С. 60–76.
52. Патрушев С.В. Кликократия как институциональная проблема российской модернизации // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука : ежегодник 2012. М. : РОССПЭН, 2012. С. 279–296.
53. Dalton M. Men Who Manage. New York : John Wiley & Sons, 1959. P. 333–335.
54. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : АСТ., 2015. 693 с.
55. Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 151 с.
56. Еришова И.А. Электоральный авторитаризм: российская версия // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М. : РОССПЭН, 2013. С. 126–140.
57. Нисневич Ю.А. Правящая номенклатура сегодня: «захват государства» // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 88–97.

Sergey N. Chirun, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: sergii-tschi@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 253–268.

DOI: 10.17223/1998863X/44/24

PROBLEMS OF THE FUNCTIONING OF THE REGIONAL POLITICAL REGIME ON THE EXAMPLE OF KEMEROVO OBLAST

Keywords: regional political regime; neoinstitutionalism; clientele; rent; consensual corruption.

The article is devoted to the analysis of the regional political regime on the example of Kemerovo Oblast. The article considers modern domestic and foreign typologies of political regimes, their correspondence to the realities of Russian regions. The practice of actual gubernatorial control over the arrangement of the main political and economic regional players in Kuzbass does not allow us to speak about the balance of branches of power in the region. The author, in his analysis of the problems of the

regional political regime, relies on a neoinstitutional methodology. Studies of regional political regimes presuppose reliance on verifiable methods of analysing socio-economic and political processes in the region that allow us to identify the unique architecture of the regional political regime. At the same time, it is difficult to count on success, basing only on statistical and empirical materials. For success, it is necessary to keep political processes that partially overlap a particular region, take into account national political trends and perspectives that inevitably affect the perception and evaluation of local regional processes. The political order in most of Russia's regions is characterised by the prevalence of policy over economy. Institutional processes here are regulated mainly by informal conventions. In Kuzbass, power and property constitute an indivisible institution. Features of the regional regime in these conditions are: the phenomenon of "power – property"; redistribution type of economy; class model of stratification; orientation to the preservation of socio-political processes, and not to the innovative development of the region. The relationship between power and property is built around the theory of the administrative market with the dominant role of the regional bureaucracy. In Kuzbass, the formation of a free competitive market was not completed, and interest groups form a system of inequalities by the criterion of the opportunities for rental access, determined by the attitude of the first person (the governor). Stratification is of a cast-paternal, closed character, and is a derivative of the degree of possession of imperious resources. The regional political regime assumes the architecture of power on the basis of the «power – property» relationship and the formation of the ruling elite uncontrolled from civil society. Kuzbass business for many years mostly avoided solidarisation, preferring backstage arrangements with the governor of Kuzbass and his clientele. The boundaries and opportunities for regional cliques in the adoption and implementation of political (state) decisions are primarily determined by their links with informal and formal institutions of power; the personal composition of participants in these entities; compliance of resources and objectives of these associations with the regulatory restrictions existing in the state. The results of their activities can be judged by indirect data and, above all, by the results of the distribution of tangible and intangible resources in society, demonstrating the true beneficiaries of regional management. In Kemerovo Oblast, due to the poor quality of institutions, the apathy of the population, the weakness of civil society and the lack of control of the ruling elite, shadow structures (cliques, clientele, clans) currently have a decisive influence in approving regional policy goals and making key management decisions.

References

1. Turovskiy, R.F. (2009) Regional political regimes in Russia: to the methodology of analysis. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 2. pp. 77–95. (In Russian).
2. Panov, P.V. (2015) Institutionalism(s): explanatory models and causality. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 39–55. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.03.09
3. Helmke, G. & Levitsky, S. (2004) Informal institutions and comparative politics: a research agenda. *Perspectives on Politics*. 2(4). pp. 725–740. DOI: 10.1017/S1537592704040472
4. Solovyov, A.I. (2011) Latent structures of the state rule, or the play of shadows upon the face of the authority. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 70–98. (In Russian).
5. Afanasyev, M.N. (2000) *Kliientelizm i rossiyskaya gosudarstvennost'* [Clientelism and Russian statehood]. Moscow: MONF. pp. 98–99.
6. Urbinati, N. (2016) *Iskazhennaya demokratiya. Mneniye, istina i narod* [Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Gaydar Institute.
7. Miroshnichenko, I.V. (2013) Network approach in political studies: content and trends. *Che-lovek. Soobshchestvo. Upravleniye – Human. Community. Management*. 3. pp. 68–86. (In Russian).
8. Knoke, D. & Kuklinski, J. (1982) *Network Analysis*. Beverly Hills.
9. Fisun, A.A. (2007) Postsovetskiye neopatrimonial'nyye rezhimy: genezis, osobennosti, tipologiya [Post-Soviet neo-patrimonial regimes: genesis, features, typology]. *Otechestvennyye zapiski*. 39(6). pp. 8–28.
10. Ilyin, M. (2015) Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzz-word? *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. 18(1). pp. 26–51. DOI: 10.7227/R.18.1.3
11. Eisenstadt, S.N. & Roniger, L. (1984) *Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 47–48.
12. Robinson, N. (2014) *The Political Origins of Russias "Culture Wars"*. Limerick: University of Limerick, Department of Politics and public administration.

13. Rozov, N.S. (2016) Neo-patrimonial regimes: diversity, dynamics and prospects for democratization. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 139–156. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.01.10
14. Hanson, S. (2011) Plebiscitarian Patrimonialism in Putins Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 636.1. pp. 32–48. DOI: 10.1177/0002716211398210
15. Fishman, L.G. (2016) Rentnoye obshchestvo i posledniy “dukh kapitalizma” [Rent society and the last “spirit of capitalism”]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kulture*. 2. pp. 33–46.
16. Silke, A. & Kreisi, H. (2007) *The Network Approach. Theories of the Policy Process*. 2nd ed. Boulder: Westview Press.
17. Tihonova, N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teoriya i real'nost'* [The social structure of Russia: theory and reality]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 104–113.
18. Rozov, N.S. (2015) The Theory of Political Regimes' Transformation and Nature of Neopatrimonialism. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 157–172. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.06.15
19. Gelman, V.Ya. (2015) Modernizatsiya, instituty i “porochnyy krug” postsovetского neopatrimonializma [Modernization, institutions and the “vicious circle” of post-Soviet neopatrimonialism]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. pp. 8–17.
20. Gelman, V.Ya. (2013) *Iz ognya da v polymya: rossiyskaya politika posle SSSR* [Out of the pan into the fire: Russian politics after the USSR]. St. Petersburg: BHV-Peterburg.
21. Kordonskiy, S. (2008) *Soslovnaya struktura postsovetской Rossii* [Class structure of post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”.
22. Smorgunov, L.V. (2003) Comparative Analysis of Politico-Administrative Reforms: from New State Management to the “Governance” Conception. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 50–58. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2003.04.05
23. Panov, P.V. (2010) Politicheskiy poryadok i problema vosproizvodstva vlasti: institut preymnika [Political order and the problem of the reproduction of power: the institution of the successor]. *Politeks – Political Expertise: POLITEX*. 3. pp. 19–33.
24. Morçol, G. (2007) *Decision Making: An Overview of Theories, Contexts, and Methods. Handbook of Decision Making*. Harrisburg, Pennsylvania: CRC Press. pp. 3–18.
25. Solovyev, A.I. (2015) Government decisions: The conceptual space and dead ends of theorization. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 127–146. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.03.08
26. Inglehart, R. & Welzel, Ch. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy*. Cambridge University Press.
27. Sennet, P. (2003) *Padeniye publichnogo cheloveka* [The Fall of Public Man]. Translated from English by O. Isaeva, Rudnitskaya, V.I. Sofronov, K. Chukhrukidze. Moscow: Logos.
28. Ledeneva, A. (2008) Telephone justice in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 24(4). pp. 324–350. DOI: 10.2747/1060-586X.24.4.324
29. Gorbuz, A.K., Krasnov M.A., Mishina E.A. & Satarov G.A. (2010) *Transformatsiya rossiyskoy sudebnoy vlasti. Opyt kompleksnogo analiza* [Transformation of the Russian Judiciary Power. Experience in Complex Analysis]. St. Petersburg: Norma.
30. Ledeneva, A. & Shushanyan, N. (2008) Telephone Justice in Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz*. 3(95). pp. 42–50. (In Russian).
31. Obolonskiy, A.V. (2016) *Etika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni* [Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life]. Moscow: Mysl'.
32. Barsukova, S.Yu. (2015) *Esse o neformal'noy ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [The Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Gray]. Moscow: HSE. pp. 140–141.
33. Solovyev, A.I. (2015) Gosudarstvo kak prostranstvo prinyatiya resheniy [The state as a decision-making space]. In: Smorgunov, L.V. (ed.) *Rossiyskaya politicheskaya nauka: idei, kontseptsii, metody* [Russian political science: ideas, concepts, methods]. Vol. 4. Moscow: Aspekt-Press. pp. 121–140.
34. Babintsev, V.P. (2012) Imitatsionnyye praktiki v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii [Simulation practices in state and municipal management]. *Vlast – The Power*. 5. pp. 24–29.
35. Shabrov, O.F. (2008) Korporativistskoye gosudarstvo v usloviyakh kartel'noy mnogopartiynosti [Corporatist state in conditions of cartoon multi-party politics]. In: Gaman-Golutvina, O.V. (ed.) *Politicheskoye upravleniye i publichnaya politika XXI veka* [Political Management and Public Policy of the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. pp. 47–55.
36. Makarenko, B.I. (2011) Neocorporatism in modern Russia. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 2(4). pp. 90–97. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-2(4)-90-96

37. Toke, D. & Marsch, D. (2013) Policy networks and GM groups issue: Assessing the utility of a dialectical model of policy networks. *Public Administration*. 81(2). pp. 229–251. DOI: 10.1111/1467-9299.00344
38. Bach, D. (2011) Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. *Commonwealth & Comparative Politics*. 49(3). pp. 275–294. DOI: 10.1080/14662043.2011.582731
39. Bavister-Gould, A. (2011) Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States. *Concept Brief*. 1. pp. 9–14.
40. Diamond, L. (2001) Civic Communities and Predatory Societies. *Culture Matters: A Forum for Business, Education and Training Professionals*. Intercultural Management Institute, American University. Washington, D.C. May 10, 2001.
41. Panov, P.V. *Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poriyadka* [Institutions, identities, practices: a theoretical model of political order]. Moscow: ROSSPEN.
42. Kelsall, T., et al. (2010) Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa. *Africa Power and Politics Working Paper*. 9.
43. Kryshstanovskaya, O.V. (2005) *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov.
44. Melville, A.Yu. (2013) Zachem “tsaryu gory” khoroshiye instituty? [Why do the “king of the hill” have good institutions?]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 3. pp. 151–169.
45. Kupryashin, G.L. (2012) *Modernizatsiya gosudarstvennogo upravleniya: instituty i interesy* [Modernization of public administration: institutions and interests]. Moscow: Moscow State University.
46. Kickert, W.J.M., Klijn E.-H. & Koppenjan, J.F.M. (eds) (2015) *Managing Complex Networks: Strategies for the Public Sector*. SAGE.
47. Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V. & Ryabchenko, N.A. (2015) Hybrid political institutions: revisiting the issue of typologization. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*. 16(4). pp. 6–27. (In Russian).
48. Shokhin, A.N. & Prokhorova A.A. (2016) Politicheskoye pozitsionirovaniye biznesa v period transformatsionnogo krizisa kontsa XX v. v Rossii [Political positioning of business in the period of transformational crisis of the late twentieth century in Russia]. In: Shokhin, A.N. (ed.) *Biznes i vlast' v Rossii. Vzaimodeystviye v usloviyakh krizisa* [Business and Power in Russia. Interaction in a Crisis]. Moscow: HSE. pp. 185–207.
49. Harpfer, K.W., Bernhagen, P., Inglehart, R.F. & Welzel, K. (eds) (2015) *Demokratizatsiya* [Democratization]. Translated from English. Moscow: HSE. pp. 528–530.
50. Morse, Y.L. (2012) The Era of Electoral Authoritarianism. *World Politics*. 64(1). pp. 161–198. DOI: 10.1017/S0043887111000281
51. Khlopin, A.D. (1997) Stanovleniye grazhdanskogo obshchestva v Rossii: institutsional'naya perspektiva [Formation of a civil society in Russia: institutional perspective]. *Pro et Contra*. 2(4). pp. 60–76.
52. Patrushev, S.V. (2012) Klikokratiya kak institutsional'naya problema rossiyskoy modernizatsii [Klykokratiya as an institutional problem of Russian modernization]. In: Solovyev, A.I. (ed.) *Vlast' i politika: institutsional'nyye vyzovy XXI veka. Politicheskaya nauka. Yezhegodnik 2012* [Power and Politics: Institutional Challenges of the 21st Century. Political Science. Yearbook 2012]. Moscow: ROSSPEN. pp. 279–296.
53. Dalton, M. (1959) *Men Who Manage*. New York: John Wiley & Sons. pp. 333–335.
54. Ajemoglu, D. & Robinson, D. (2015) *Pochemu odni strany bogaty, a drugiye bednyye. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why are some countries rich and others poor. The origin of power, prosperity and poverty]. Moscow: AST.
55. Bessonova, O.E. (2015) *Rynok i razdatok v rossiyskoy matritse: ot konfrontatsii k integratsii* [The market and distribution in the Russian matrix: from confrontation to integration]. Moscow: ROSSPEN.
56. Ershova, I.A. (2013) Elektoral'nyy avtoritarizm: rossiyskaya versiya [Electoral authoritarianism: the Russian version]. In: Patrushev, S.V. (ed.) *Grazhdanskoye i politicheskoye v rossiyskikh obshchestvennykh praktikakh* [Civil and Political in Russian Public Practices]. Moscow: ROSSPEHN. pp. 126–140.
57. Nisnevich, Yu.A. (2014) Pravyashchaya nomenklatura segodnya: “zakhvat gosudarstva” [The ruling nomenclature today: “the seizure of the state”]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 88–97.